

ПОНЯТИЕ "КОНСТИТУЦИЯ" В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Автор: Д. В. ТИМОФЕЕВ

В процессе взаимодействия культур происходит заимствование различных понятий, смысл которых может существенно изменяться в соответствии с условиями новой среды. Процесс культурной адаптации имеет особое значение в том случае, если заимствуются понятия, основополагающие для данной политической идеологии. Ведь в результате наделения их новыми смыслами могут формироваться национальные особенности как общественно-политической мысли, так и политической практики правительственных кругов. Среди понятий, смыслы которых важно правильно интерпретировать при исследовании общественно-политической мысли в России первой четверти XIX в., - термин "конституция". Необходимо фиксировать не всегда очевидную разницу между позитивными и негативными контекстами его употребления, определяющими оттенки его смысла. В данной статье проводится анализ различных смысловых коннотаций понятия "конституция" в проектах и записках представителей правительственной элиты, работах известных российских ученых и периодической печати в царствование императора Александра I¹.

Заимствованное из европейского политического словаря XVIII в., слово "конституция" могло употребляться в России начала XIX в. в разных контекстах. Наиболее важной смысловой его составляющей было обозначение такой системы взаимоотношений императора и общества, которая, не ограничивая полномочия монарха, повышает *эффективность управления*. Такая позитивная для самодержавной власти (нереволюционная) трактовка могла быть заимствована из работ И. Бентама, который писал: "Конституционное уложение будет заключать в себе изъяснения и толкования, что действием таким-то случаев или происшествий облакаются такие-то гражданские лица такою-то властью: наследования, избрание, уступка, покупка, и что действием таких-то происшествий или случаев такие-то частные лица лишаются такой-то власти: упущение, отречение, сложение" [Бентам, 1805, с. 430 - 431]. Такое инструменталистское определение понятия "конституция" не вызывало негативных ассоциаций с революционными событиями 1789 г. во Франции и поэтому могло быть достаточно органично инкорпорировано в сложившуюся к началу XIX в. систему представлений об оптимальных взаимоотношениях императора и русского общества.

¹ Смысловое наполнение данного понятия у членов многочисленных тайных обществ России первой четверти XIX в. заслуживает отдельного рассмотрения.

Т и м о ф е е в Дмитрий Владимирович - кандидат исторических наук, заместитель декана исторического факультета Челябинского государственного университета.

Предпосылки позитивного восприятия идеи конституции

Для смягчения негативной эмоциональной окрашенности понятия "конституция" особое значение имела завершившаяся на рубеже XVIII-XIX вв. трансформация образа монарха. Анализ многочисленных высказываний представителей российского дворянства показывает, что личность императора утратила сакральность. Российский император теперь воспринимался как личность, обладавшая свойственными человеческой природе недостатками и лишь временно поставленная над всеми жителями страны. Его окружало "облако человеческой слабости" [РГИА, ф. 1167, д. 52/48, л. 18 - 19]. Возникла возможность сомневаться в правильности принимаемых самодержцем решений. В некоторых случаях подобные сомнения прямо подтверждались отдельными высказываниями самого императора. Так, И. Дмитриев, вспоминая одну из своих первых встреч с Павлом I, свидетельствовал, что император публично произнес перед собравшимися: "Я сам знаю, что Государь такой же человек, как и все, что он может иметь слабость и пороки" [Дмитриев, 1986, с. 329].

"Очеловечивание" личности монарха первоначально выражалось в том, что если ранее он мог подвергаться критике за несправедливое распределение наград и почестей или же за передачу важнейших государственных функций в руки бездарных чиновников, то с начала царствования императора Александра I все чаще раздавались замечания по вопросам стратегии и тактики проводимых преобразований [Марасинова, 1999, с. 134 - 157]. В европеизированных кругах российского дворянства постепенно сформировалось представление о том, что любой человек, находящийся на российском престоле, вне зависимости от его личных качеств, не способен единолично управлять страной, а тем более эффективно осуществлять "благотворные преобразования" в таком огромном государстве, как Российская империя. Так, в 1814 г. В. Кочубей в докладной записке Александру I, не оспаривая необходимости сохранения монархии в России, убеждал императора, что было бы целесообразно более широко обращаться за советом к образованному дворянству: "...как доказано, что Государь, как бы ни был он дальновиден, не может один обнять всех частей правления, то и обязан он искать прочных Государственных установлений, которыми бы сближал империю Его с другими наилучше устроенными Государствами, представив подданным Его выгоды правительства справедливого, кроткого и просвещенного" [РГИА, ф. 1167, л. 6].

Осознание "естественных", природных границ способностей любого человека, в том числе императора, присутствовало не только в произведениях, вышедших из-под пера высокопоставленных чиновников, но и в научно-популярных трудах некоторых российских ученых. В одной из работ профессора Санкт-Петербургского педагогического института К. Арсеньева "Начертание статистики Российского государства" автор прямо указывал на необходимость существования эффективно функционирующего механизма помощи российскому императору: "...состав Государственный так многосложен, дела, требующие исполнения, так многообразны, что силы нравственные и физические одного человека не достаточны все приводить в движение, а посему особа, имеющая в руках своих верховную власть по необходимости должна разделять Государственные дела с другими, кои бы действовали от имени по правилам предписанным Верховным Повелителем" [Арсеньев, 1819, с. 110].

В скрытой форме, но, на мой взгляд, не менее ярко, десакрализация образа монарха отображена и на страницах периодической печати. Например, в журнале "Русский вестник" за 1810 г. Петру I приписывалась следующая фраза: "Богу отверсто мое сердце; Он видит какого истинного блага желаю моему Отечеству. Но я человек, я могу погрешить: ввести что-нибудь и вредное, могу быстро увлечься быстрым течением обстоятельств и нетерпением..." [Разговор... 1810, с. 106 - 107]. Это должно было вызывать у современников ассоциации с царствующим императором, также собиравшимся реформировать Россию и, по всей видимости, также способным признать в том, что он человек и может совершать ошибки.

Следствием "очеловечивания" образа монарха была корректировка представлений о назначении и роли императора. Анализ многочисленных записок, писем, "мнений" и "голосов" членов Государственного совета показывает, что примерно с 1806 г. в сознании ориентированной на Запад дворянской элиты российский самодержец обладал не только неоспоримыми правами наследственного правителя, но и был наделен обязанностями, исполнение которых становилось критерием для определения степени его "просвещенности" и общей оценки его царствования. Именно с этого времени В. Кочубей, Н. Мордвинов, А. Чарторыйский, Н. Новосильцев и другие представители образованного дворянства стали объяснять молодому императору Александру I его роль и обязанности в процессе управления страной.

По мнению князя Чарторыйского, император в первую очередь должен преодолеть внутренний страх показаться несамостоятельным: "Желание руководиться исключительно личными побуждениями, делать все единолично, чтобы доказать, что не находитесь ни под чьим влиянием и обладаете всеми необходимыми данными для исполнения стольких самых разнообразных обязанностей, исходящих только лишь от верховной власти, - писал он в одном из писем Александру I, - не должно было бы, казалось, всецело руководить Вами, ибо государство неизбежно страдает от этого". Нежелание обращаться за помощью по причине страха или самонадеянности не могло быть, по мысли князя, основным мотивом деятельности императора. "Просвещенный" монарх должен был обладать прямо противоположными качествами - умением выслушивать и "внушать к себе доверие". Более того, император сам должен был быть заинтересован в помощи со стороны образованной части общества. Чарторыйский продолжал: "Простите меня за смелость моих слов, но это Вы, Ваше Величество, должны были бы одобрять, объединять, искать советов, обсуждать их, обдумывать и относиться к ним с интересом" [Мемуары... 1913, с. 114 - 116, 121].

В идеале "просвещенный" монарх обязан поощрять инициативу "снизу" и всеми доступными способами привлекать к обсуждению важных государственных вопросов наиболее компетентных и "знающих" людей. Потребность в квалифицированных помощниках определяла соотношение функций императора и дворянства в управлении страной. "К поставленному в центре государственной жизни, к нему стекаются все дела, как радиусы к центру круга, - писал Чарторыйский, объясняя императору свое представление о функциях российского самодержца, - но он должен намечать лишь великие пути, лишь основные контуры" [Мемуары... 1913, с. 115]. Практически одновременно аналогичную мысль в послании императору высказал Кочубей, так определив основную задачу самодержца: "Дело Государя думать и повелевать в больших чертах" [РГИА, ф. 1167, Д. 14, с. 21].

Таким образом, главная обязанность императора - анализ поступающих к нему предложений от дворянства и определение на их основе стратегических целей развития страны. Конкретный механизм достижения этих целей должны разрабатывать и воплощать в жизнь министры, сенаторы, члены Государственного совета, согласовывая свои действия с общим направлением движения, указанным самодержцем. Подобный алгоритм взаимодействия верховной власти и дворянской элиты предполагал постоянное согласование позиций по наиболее актуальным проблемам и совместную корректировку итоговых решений.

Такая дифференциация функций императора и просвещенного дворянства, с одной стороны, не противоречила традиционному представлению о верховенстве власти российского императора, а с другой - полностью соответствовала идеям европейских либеральных мыслителей, произведения которых достаточно часто появлялись на страницах российских журналов. Так, летом 1806 г. в "Санктпетербургском журнале" были опубликованы выдержки из произведений Бентама под общим заголовком "О необходимости утверждать законы на причинах". Тот полагал, что "сочинение законов не есть дело Государя. Его положение, его образ жизни, самую необходимостью предписанный; обязанности неразлучно с званием его сопряженные, отнюдь не совместны с теми бесконечными, многочисленными познаниями и подробностями, коих работа сия требует".

При этом автор подчеркивал, что "...творческий ум Государя может подать великия и прекрасный мысли, но отделка требует занятия, ему несвойственного" [О необходимости... 1804, с. 128].

Потребность монарха в помощи дворянства обусловила смягчение негативного подтекста понятия "конституция", который появился в связи с революционными событиями во Франции. В понимании российского дворянина начала XIX в. сам факт наличия в стране конституции не означал введения каких-либо ограничений самодержавной власти. Российская конституция должна была лишь обеспечить наибольшую эффективность государственного управления посредством создания системы взаимодействия императора с образованной частью российского общества.

Позитивные следствия введения конституции

Не меньшее влияние оказывали представления о позитивных последствиях учреждения в России конституции. К ним относилось искоренение таких публично осуждаемых явлений, как взяточничество, казнокрадство, произвол чиновников. В характерном для начала XIX в. жанре "письма иностранца" (делавшем высказываемые взгляды более убедительными) конституция представлялась в качестве средства, ограждающего от произвола чиновников. Анонимный автор, представленный издателем "Духа журналов" за 1819 г. как житель Брюсселя, объективно, без пафоса, и даже с некоторой долей критики, высказывался о преимуществах, которые дает конституция: "В начале никакое правление не бывает совершенно; мы и своего таковым не считаем; однако же мы весьма благодарны нашему доброму королю, что он тотчас по возшествии на престол даровал нам Конституцию, вместо того, что наши соседи до сих пор остаются при одних обещаниях. С того времени у нас многое исправлено и улучшено; ...и мы теперь остаемся благонадежны, что у нас никогда не возникает самоуправство министров и других правительственных властей, которые в иных землях, при добром Государе, бывают иногда притеснительнее нежели при деспоте" [Польза... 1819, с. 333 - 334]. Интересно отметить, что автор не идеализирует действительность, оговариваясь, что даже при наличии "доброе Государя" есть вероятность притеснений граждан со стороны чиновников.

Еще одним положительным следствием существования конституции признавалась возможность установить диалог между обществом и властью, преодолеть препятствия на пути ценной информации об основных тенденциях социально-экономического развития страны. Конституция в данном контексте рассматривалась как средство устранения "политической таинственности", которая, с одной стороны, препятствовала правительству своевременно принимать меры по нейтрализации негативных социально-экономических явлений, а с другой - способствовала распространению в народе слухов и росту недоверия граждан правительству. Именно конституция, по словам известного российского ученого К. Германа, могла стать фактором формирования более открытых и доверительных отношений между властью и обществом. В одной из своих программных работ он отмечал, что "политическая таинственность изгнана в Европе из Англии, России и Пруссии. Из Англии конституцией; из России и Пруссии мудростью монархов" [Герман, 1806, с. 85]. На мой взгляд, такое употребление понятия "конституция" даже с допущенной оговоркой о "мудрости" российского самодержца, предполагало положительную оценку конституционного правления в целом.

Положительный контекст употребления понятия "конституция" не ограничивался только политической проблематикой. Нередко ее существование рассматривалось в качестве необходимого условия для стабильного экономического роста и повышения благосостояния как отдельной личности, так и государства. Аргументируя данный тезис, как правило, обращались к опыту иностранных государств. Член Государственного совета адмирал Мордвинов, анализируя положение во Франции и Англии, писал в 1816 г.: "Франция, сделавшись конституционной монархией, очень быстро умножает богатство и могущество, в то время как другие европейские страны, оставшиеся со своими старыми законами, развиваются крайне медленно. Англия благодаря конституции, которая

сделала ее богатой и могущественной, смогла сопротивляться силам Европы, собранным в руках Наполеона...." [РГИА, ф. 994, д. 119, л. 1; д. 602, л. 1 - 1 об.]. Отсутствие конституции в нашей стране являлось, по мысли Мордвинова, тормозом социально-экономического развития: "Россия со своим самодержцем останется долго бедною и слабою, и не будет успешно развиваться по сравнению с конституционными странами" (пит. по [Семенова, 1982, с. 70]).

Нередко подчеркивалось, что введение конституции оказывало благотворное воздействие на экономику более молодых и неразвитых стран. Например, в США оно привело к стабилизации политического и социально-экономического положения, росту их роли в мировой экономике. В 1820 г. издатель журнала "Отечественные записки" П. Свиньин, анализируя экономические связи Российской империи с Америкой, отмечал, что Война за независимость довела страну "до последнего истощения... Вашингтон остановил американцев на краю пропасти". Создание в 1787 г. конгресса и принятие конституции стало основой укрепления торговых взаимосвязей со многими государствами мира: "Едва основали они прочным образом собственное правление, как флаг Штатов появился в отдаленных краях света" [Свиньин, 1820, с. 273 - 274]. Примерно в том же контексте журнал "Сын Отечества" за 1817 г. приводил высказывания президента Д. Монро о преимуществах конституционного правления: "Только с утверждения Конституции государство может достигнуть значительных успехов. Куда ни обратим взор, на внешние или внутренние сношения, везде найдем причины к удовольствию... Конституцией утверждены сношения наши с другими нациями и областей наших между собою" (цит. по [Жуковская, 2002, с. 20]). Употребление слова "конституция" для определения одного из основных факторов роста экономики было тесно связано с европейским пониманием слова "прогресс", которое обозначало постепенное, эволюционное развитие общества от простых форм к более сложным и совершенным.

Негативное осмысление понятия "конституция"

Понятие "конституция" имело и ряд негативных коннотаций. Прежде всего отрицательное, или, по меньшей мере, осторожное отношение к идее установления конституции присутствовало в текстах, информировавших читателя об опыте перехода европейских стран от абсолютной монархии к монархии конституционной через революцию. Последняя прямо связывалась с беспорядками, "торжеством человеческих страстей" и другими явлениями, безусловно неприемлемыми для "просвещенного" человека. Наличие такой негативной ассоциативной взаимосвязи слов "конституция" и "революция" просматривается на страницах ряда периодических изданий, а также и в проектах реформирования системы управления, представленных высокопоставленными государственными чиновниками.

Предотвратить развитие политического процесса по сценарию европейских революций представлялось возможным при условии превентивного провозглашения октроированной конституции, которая была бы пожалована российским гражданам самим монархом добровольно, а не под давлением агрессивно настроенной толпы или группы заговорщиков. М. Сперанский во "Введении к уложению государственных законов" прямо писал: "Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению Верховной власти, которая устраивая политическое бытие своего народа может и имеет все способы дать ему самые правильные формы" [РГИА, ф. 1167, д. 65а, с. 29]. Именно император должен был стать инициатором и главным гарантом соблюдения конституции в России.

Не случайным представляется появление на страницах "Духа журналов" утверждения о том, что в создании любого конституционного акта (вне зависимости от того, как он озаглавлен) должен быть заинтересован глава государства: "Сами государи возчувствовали необходимость поставить *владычество законов* на незыблемом основании, они сами один перед другом ревнуют даровать народам своим залог отеческого о них попече-

ния, сей памятник мудрости своей, и надежнейшее средство ручательства будущего их благоденствия - *Государственное уложение!*" [Чего требует... 1819, с. 12].

В большинстве текстов, содержащих слово "конституция", подчеркивалось, что без наличия доверительных отношений между властью и обществом конституция не сможет эффективно функционировать. Подобное утверждение в различной форме присутствует и в проектах, представленных на высочайшее имя, и на страницах российской периодической печати. Так, автор статьи, опубликованной в журнале "Русский вестник" за 1817 г., недвусмысленно писал: "Никакие *конституции* не обезпечат безопасности народной, есть ли она не будет ограждена единоначалием и единодушием" [Нравственное... 1817, с. 53].

Признание того, что конституция без наличия взаимопонимания власти и общества может стать лишь декларацией, не оказывавшей сколько-нибудь заметного влияния на повседневную жизнь граждан, на мой взгляд, отражает одну из существовавших в первой четверти XIX в. негативных коннотаций слова "конституция". Формальная конституция признавалась не только не нужной, но *опасной*, так как она могла стать причиной роста недоверия к любым законам. Показательно в этом смысле следующее утверждение: "Уложение на бумаге есть только мертвая буква: оно так же может быть устранено, перетолковано, брошено, как тысячи других узаконений" [Чего требует... 1819, с. 13].

Отрицательное отношение к формальному, декларативному характеру любых конституционных актов в наиболее отчетливой форме отражено в публикациях, содержащих оценки действенности конституций в различных странах мира. Например, в одном из номеров "Духа журналов" за 1818 г. от имени издателя размещена статья с критикой сочинения графа Андреосси "Путешествие к устью Черного моря...", содержащего утверждение о наличии конституции в Турции. Автор статьи с нескрываемым удивлением и раздражением писал: "Конституция - в Турции! В государстве самом деспотическом на свете! Где жизнь и имущество каждого, начав от Верховного Визиря и до последнего гражданина, зависит от минутного своенравия самовластнейшего Султана... в таком государстве Конституция!". Такая конституция, по мысли автора, не могла иметь ничего общего с европейским представлением о главном юридическом документе государства и была названа "мнимой" [Дух... 1818, с. 388, 394]. Иронический стиль изложения материала, на мой взгляд, предполагал восприятие читателем информации о турецкой конституции как о некоем курьезе, ставшем результатом ошибки путешественника.

Однако мысль о декларативности конституции присутствовала в российской периодической печати и применительно к ряду европейских стран. В журнале "Русский вестник" читатель мог познакомиться, например, с таким суждением: "В Виртенбергии приступают к конституции; в Англии она уже несколько веков существует, но и там... восклицают: "где конституция наша? Она у нас в бездействии, хотя и славится в других землях". Можно отвечать... что хотя английская конституция и славится вне Англии, но мы убеждены, что она далека от совершенства, не существующего в сем мире" [Нравственное... 1817, с. 52 - 53]. Тем самым подчеркивалась нецелесообразность установления конституции при отсутствии некоторых условий, в частности высокого уровня "просвещения" народа и наличия отношений взаимного доверия между представителями власти и обществом.

* * *

Для обозначения главного законодательного акта Российской империи нередко употреблялись словосочетания "коренной закон", "органический закон", "государственная уставная грамота", "уложение государственных законов", "конституционная хартия". Вне зависимости от того, какое слово-заменитель употреблялось в каждом конкретном случае, представители образованной части российского общества имели достаточно четкое представление о смысловом содержании базового понятия и о внутренней структуре предполагаемых преобразований.

Незыблемость прав личности

Стереотипы представлений о конституции задавала публикация в периодической печати информации о законодательстве, действующем в различных странах мира. Такие известные российской читающей публике журналы, как "Дух журналов", "Сын Отечества" и "Вестник Европы", нередко печатали материалы, отражающие основные положения европейских конституционных актов [Речь... 1802, с. 65 - 71; Государственный... 1813, N 13, с. 48 - 67; N 14, с. 130 - 132; О конституции... 1816, с. 48 - 67; Государственное уложение Баварского... 1818, с. 525 - 572; Государственное уложение Великого... 1818, с. 629 - 660; Польза... 1819, с. 77 - 79; Конституция... 1820, с. 73 - 77; 78 - 88; 97 - 116; 157 - 174]. Все подобные публикации, как правило, отражали внутреннюю структуру и основные положения европейских конституций, которые могли рассматриваться в качестве образца.

Представления о внутренней структуре предполагаемого "коренного закона", существовавшие в российском обществе, в наиболее яркой форме зафиксированы в многочисленных проектах и записках, адресованных императору Александру I, а также в трудах известных российских ученых. В упомянутой работе Арсеньева указано: "Коренные законы Российской империи относятся к трем существенным главным предметам: 1) они сохраняют целостность и состав всего государства; 2) они определяют права и власть монарха; 3) содержат права народа или различных классов подданных" [Арсеньев, 1819, с. 1]. Сперанский также считал, что коренной закон должен определять: "1) Права державной власти; 2) закон, возникающий из прав державной власти; 3) права подданных" [Сперанский, 2004, с. 9]. Следует отметить, что подобная структура прослеживается практически во всех известных нам проектах российской конституции, созданных в первой четверти XIX в. Таким образом, по этому вопросу в образованной части дворянства сложился очевидный консенсус.

Необходимость законодательного закрепления "естественных" прав и свобод личности многократно подтверждается в проектах реформирования системы государственного управления, представленных на высочайшее имя. В первую очередь подчеркивалась необходимость установления юридических гарантий прав личности на свободу, обладание собственностью и безопасность. Именно эти принципы были представлены в официально опубликованном тексте "Всепоподаннейшего доклада Его Императорскому величеству князя Лопухина и Новосильцева". В этом документе среди главных целей "Комиссии составления законов", созданной Александром I, П. Лопухин и Н. Новосильцев называли установление "правил нелицеприятного охранения чрез посредство разных судебных мест безопасности всех и каждого строгим исполнением законов, утверждающих спокойствие и благоденствие государства". При этом авторы особо подчеркивали, что "порядок, закон, правосудие, безопасность лиц и собственность, суть священные права, разрушающая и уничтожающая все исключения, с ними несовместны" [Всепоподаннейший... 1804, с. 79, 82].

Европейский принцип свободы личности и неприкосновенности частной собственности, впервые официально озвученный А. Воронцовым при обсуждении на заседаниях Негласного Комитета его проекта "Жалованной грамоты российскому народу" (еще до формального восшествия на престол будущего Александра I), впоследствии неоднократно воспроизводился как в написанных по поручению императора проектах конституции, так и в сочинениях, представленных российскому самодержцу по личной инициативе их авторов. К примеру, более ста рукописных страниц своей книги Сперанский посвятил в 1809 г. рассмотрению сущности и объема "естественных" прав граждан. В 1815 г. принцип равенства граждан перед законом, права личности на "свободу передвижения" и "неприкосновенность частной собственности" были официально подтверждены в статьях 17, 24 и 26 "Конституционной Хартии Царства Польского", разработанной под руководством Новосильцева и Чарторыйского, а в 1818 - 1819 гг. наличие у российских подданных "естественных" прав и свобод было зафиксировано в статьях 82 - 85 и 97 "Государственной уставной грамоты Российской Империи", которая предположительно

должна была стать первой общероссийской конституцией [Конституционная... 1907, с. 42; Антология... 1997, с. 650 - 652].

Взаимосвязь понятия "конституция" и принципа незыблемости "естественных прав личности" усматривается и на страницах российских газет и журналов первой четверти XIX в. Формирование ассоциативной связи происходило посредством чтения текстов различных конституций или аналитических материалов о событиях, происходивших в европейских странах, которые нередко содержали цитаты из речей известных мыслителей и политических лидеров. Так, в одном из первых номеров "Духа журналов" (1815) была опубликована статья "Эпоха обновления Европейских государств", в которой приводились цитаты из речи Ш. Монтескье. В ней перечислялись основные права граждан в соответствии с французской конституционной хартией: "свобода вероисповедания, с признанием католической религии, господствующей в государстве, неприкосновенность собственности, неотъемлемость национальных мнений, неотчуждаемость имущества от настоящих их владельцев, свобода книгопечатания, не вредящая общественной и частной безопасности и т.д." [Эпоха... 1815, с. 15]. В данном контексте европейские конституционные акты воспринимались как определенный пример для подражания.

Появление в российской периодической печати такого рода примеров было важным фактором наполнения понятия "конституция" конкретно-историческим содержанием. Наиболее сильное эмоциональное воздействие оказывало, на мой взгляд, появление на страницах российских журналов информации о наличии и содержании конституций в странах, традиционно считавшихся слабо развитыми и отсталыми как в экономическом, так и в политическом отношении. Например, в одном из номеров журнала "Вестник Европы" за 1802 г. в форме письма современника была опубликована заметка, в которой приводились основные положения конституции Сан-Домингской колонии, протектората Франции: "Конституция утверждает личную свободу и безопасность. Никто не может быть взят под стражу без законного осуждения или приговора. Собственность священна; всякой располагает ею по неограниченной воле" [Письмо... 1802, с. 80]. На мой взгляд, наличие такого рода публикаций формировало позитивный интеллектуально-эмоциональный фон для появления в России проектов собственной конституции.

В некоторых случаях необходимость закрепления в "коренном законе" прав личности преподносилась как отражение некой исторической закономерности, "духа времени", который "есть общий глас народа". Именно такая взаимосвязь понятий "коренной закон" и "права личности" отражена в журнале "Архив истории и политики: из Духа журналов", в котором перепечатывались наиболее важные и интересные материалы. Обзор опубликованных в 1819 г. статей начинался с материала под заголовком "Чего требует дух времени? Чего желают народы?". Автор публикации утверждал необходимость существования "коренного закона", гарантировавшего каждой личности в отдельности и всем европейским народам в целом мир и благополучие: "...народы... утомленные опустошительными войнами... вздыхают о мире и спокойствии... гонимые за разноречие, спрашивают свободы совести, терпимости вер; обремененные налогами, желают облегчения... стесненные в правах личности и собственности, ищут неприкосновенности прав сих; не находя в судах защиты от притеснений сильного и богатого, но встречая везде лицемерие, мздоимство, подлоги и коварство, они просят о правосудии, строгом, нелицеприятном, скором, гласном. И все сии желания можно совокупить в одном, всеобъемлющем - *владычество законов*. Так народы *желают владычества законов* коренных, неизменных, определяющих права и обязанности каждого; равно обязательных и для Властей и для подвластных, при которых самовластие места иметь не может..." [Чего требуют... 1819, с. 11].

Принцип сословного представительства

Важным элементом представлений о конституции был принцип сословного представительства. Их взаимосвязь прямо подчеркивалась многими современниками. Высказывалось мнение о том, что только "*народные представители*" могут стать "природными

блюстителем Государственного уложения" и являются "...верными охранителями его неприкосновенности, преследователями нарушителей его, советниками государей и соучастниками в законодательстве". В данном контексте наличие выборных представителей объявлялось дополнительной гарантией соблюдения прав личности, так как "...при них личность и собственность каждого остается неприкосновенною... никакое злоупотребление власти не укроется, никакое нарушение прав не останется безнаказанным..." [Чего требуют... 1819, с. 14]. Одновременно с этим создание в России выборного законодательного (или законосовещательного) органа при императоре, по аналогии с европейскими структурами, признавалось оптимальным вариантом разрешения проблемы низкой эффективности управления и цивилизованной формой помощи монарху. Такой взгляд на проблему просматривается при сопоставлении текстов трактата Сперанского "Введение к уложению Государственных законов", записки Мордвинова "Для составления Палат Государственных", проекта "Государственной уставной грамоты Российской Империи" Новосильцева, а также "Конституционной Хартии Царства Польского", разработанной при активном участии Новосильцева и Чарторыйского.

Однако авторы целого ряда публикаций, принципиально не отвергая необходимость учреждения в России конституции, высказывали сомнения в целесообразности внедрения принципа сословного представительства. Такая позиция обосновывалась мнениями известных зарубежных политиков, которые судили о сословном представительстве на основе практического опыта. Так, в одном из номеров журнала "Русский вестник" за 1817 г. анонимный автор для доказательства несовершенства принципа выборности приводил слова Б. Франклина: "Когда собирают великое число людей для получения от их совокупной мудрости, то в то же самое время собирают вместе с ними их предрассудки, заблуждения, их страсти, их местные выгоды" [Нравственное... 1817, с. 52]. Таким образом подчеркивалось, что сословное представительство не является абсолютным эталоном для подражания, а требует более внимательного, вдумчивого осмысления и корректировки в соответствии с особенностями социально-политической обстановки в стране и культуры каждого народа.

В качестве одного из наиболее приемлемых способов адаптации европейского принципа сословного представительства к российским условиям чаще всего называли установление имущественного ценза для тех, кто мог быть избранным в законодательные (или законосовещательные) органы власти при императоре. В этой связи далеко не случайным представляется тот факт, что во всех конституционных проектах того времени право выбора было ограничено имущественным цензом. Наличие собственности у претендентов на роль помощников российского императора было непременным условием их вхождения в правительственные сферы, ибо обладание собственностью само по себе считалось показателем способности человека осуществлять всесторонний анализ ближайших и отдаленных последствий принимаемых им решений. Именно собственность, по мнению авторов различных проектов российской конституции, воспитывала в человеке чувство ответственности, а следовательно, служила дополнительной гарантией принятия народным избранником взвешенного решения.

Подобное объяснение целесообразности введения имущественного ценза кристаллизовалось в не требующей доказательства аксиоме: "...чем более человек приемлет участия в собственности, тем естественно более он печется о ее сохранении" [РГИА, ф. 1167, д. 65а, л. 100]. В кругах европеизированной части российского дворянства было широко распространено убеждение в том, что любой собственник, получив новый для него статус законодателя, всегда будет бережно относиться к свободе и собственности другого человека, так как он, в случае принятия нормативных актов, ущемляющих право на обладание собственностью, автоматически вступал бы в противоречие со своими личными интересами.

Конституция и "просвещение народа"

Необходимость адаптации европейских правовых норм к отечественным условиям члены Государственного совета объясняли чаще всего исторически сложившейся в

России социальной структурой, наличием крепостного права и низким уровнем "просвещения народа". Целесообразным признавалось внимательное изучение западноевропейского опыта с последующим заимствованием лишь тех его элементов, которые соответствуют исторически сложившимся особенностям российской социально-политической системы. Например, Кочубей, размышляя о возможных вариантах использования опыта европейского конституционализма, утверждал, что Российской империи как "...государству, приближающемуся ежечасно к другим народам, большое общество европейское составляющим... следует, не повинаясь слепо учреждениям чужеземным, соображать свои собственные с настоящим положением государства и усовершенствовать оные". Своевременным и безопасным шагом является не учреждение новых представительных органов, а модернизация уже существующих государственных структур: "В России-принадлежности законодательства не могут быть вверены никакому иному месту как Государственному совету. Не могут они присвоены быть Депутатам Губернским... ибо степень просвещения есть еще слишком в Империи ограничена, чтоб можно было нам подражать другим" [РГИА, ф. 1167, д. 50, л. 3, 8].

Отсутствие необходимой "степени просвещения", под которой понимался не только определенный уровень образования, но и способность личности к всестороннему анализу ближайших и отдаленных последствий принимаемых решений, оказывалось препятствием для немедленного внедрения на практике принципа сословного представительства. Следует отметить, что призыв Кочубея отказаться от "слепого подражательства" Европе при реформировании системы взаимоотношений граждан и верховной власти не означал отказа от стратегической цели - установления в России просвещенной конституционной монархии, опирающейся в своем правлении на мнение народных представителей. Объясняя свою позицию, Кочубей подчеркивал, что наша страна в будущем "последует... примеру других государств" [РГИА, ф. 1167, д. 50, л. 8]. Однако продвижение в этом направлении не должно было быть поспешным: необходимо провести тщательный анализ всех ближайших и отдаленных последствий предполагаемого изменения устоявшегося порядка управления государством, понять, насколько органично и безболезненно новые институты могут быть "встроены" в существовавшую систему общественных отношений.

Сравнивая уровень "просвещенности" населения в России и ряде европейских государств, Д. Трошинский подчеркивал, что "английский парламент ничего бы сам по себе не значил, если бы не был поддерживаем многочисленным и просвещенным средним чином...", а "во Франции, в Англии и даже в Испании, действие правления под различными формами возбуждается или общественною волею, или общественным мнением, к коим оно почти всегда обязано иметь уважение". В России же, по его словам, "...находится много людей просвещенных, однако же главная масса народа и не столько просвещена и просвещение ее не такое, как просвещение главных народных масс европейских государств" [Записка... 1868, с. 48].

Наличие такого рода обоснований для корректировки европейских конституционных актов позволяет предположить, что семантическое значение понятия "конституция" в России включало в себя такое понятие, как "просвещение", без которого наличие в стране "коренного закона" могло оказаться чистой формальностью, не способной оказывать сколько-нибудь заметного положительного влияния на социально-экономическое и политическое развитие страны.

* * *

Проведенный анализ различных конституционных проектов, созданных российскими подданными в первой четверти XIX в., показал, что в процессе ознакомления с конституционными актами Англии, Франции и ряда других стран в просвещенных кругах российского общества постепенно сложилось убеждение в том, что любая современная конституция может быть использована лишь как внешняя форма, содержание которой должно быть обязательно адаптировано к российской действительности. В данном кон-

тексте понятие "конституция" воспринималось лишь как инструмент поддержания стабильности и не предполагало жесткого противостояния монарха и российского общества. Граф П. Строганов, например, размышляя над значением этого слова, писал: "Конституция - это основной закон, регулирующий метод, который должен быть применен при составлении административных законов... в той манере..., которая закрывает дверь всякому произволу и, в заключение, уменьшает вред, который может появиться из-за различия положения глав государства" (цит. по [Хартли, 1998, с. 62]).

Понимание конституции как "регулирующего метода" было типичным в кругах европеизированного дворянства. Такой "инструменталистский" подход помогал устранить психологический дискомфорт, который испытывался при употреблении данного слова в связи с революционными событиями в Европе. При отождествлении конституции с "коренным" законом, "закрывающим дверь всякому произволу", акцентировалась приверженность мирным, легальным способам проведения преобразований. Употребление прилагательного "коренной" имело, на мой взгляд, особое значение, так как в "Словаре Академии Российской", изданном в 1806 - 1822 гг., оно объяснялось через синонимы: старинный, первобытный, главный [Словарь... 1814]. Таким образом подчеркивалась ориентация на традиционные нормы и ценности. Не случайно наряду со словосочетанием "коренной закон" нередко употребляли словосочетания "уставная грамота" или "государственное уложение", которые ассоциировались в сознании современников с известными и проверенными временем законодательными формами. Лишенная таким способом всякого революционного подтекста, данная трактовка понятия "конституция" не могла вызвать негативную реакцию в обществе и, главное, значительно снижала вероятность быть неверно понятой российским самодержцем, который оставался главной фигурой социального соотношения.

Процесс культурной адаптации понятия "конституция" в российских условиях сопровождался его разложением на ряд более простых и привычных понятий. Нередко его смысл выражался в таких терминах и словосочетаниях, как "коренной закон", "безопасность личности", "благосостояние", "порядок", "ограничение чиновничьего произвола", "преграда на пути к деспотизму", "регулирующий метод". При этом каждое из таких слов-заменителей означало лишь один из аспектов сложносоставного понятия "конституция" в европейском смысле слова. Понятие "конституция" воспринималось через призму представлений о том, что заимствование извне всего, способного существенно изменить направление общественного развития, должно проходить под руководством правительства, главная задача которого состояла в тщательном отборе элементов европейского опыта и их адаптации к российской действительности. В противном случае, по выражению современников, даже "...самые лучшие преобразования, не быв приспособлены к народному характеру, производят только насилие и сами собою сокрушаются" [РГИА, 1167, д. 52/48, л. 12].

В результате проведенного отбора все привносимые извне элементы "чужой" культуры должны были отвечать двум параметрам: с одной стороны, их внедрение способствовало бы ускорению развития страны и сближению ее с развитыми странами Европы, а с другой - не повышало бы вероятность возникновения социальных конфликтов. Именно такой алгоритм рецепции европейского опыта обеспечивал органичную связь традиции с инновацией, был путем компромисса между стремлением к обновлению российской социально-политической системы по европейским образцам и ограниченными возможностями внедрения либеральных принципов на практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антология мировой политической мысли. В 5 т. Т. 3. Политическая мысль России в X-первой половине XIX в. М., 1997.

Арсеньев К. Начертание статистики Российского государства. Ч. 2. О состоянии правительства. СПб., 1819.

Вентам И. Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении. В 3 т. Т. 1. СПб., 1805.

Всеподданнейший доклад Его императорскому величеству кн. Лопухина и Новосильцева // Санкт-Петербургский журнал. 1804. N 5, май.

Герман К. Материалы для российской статистики // Статистический журнал. 1806. Т. 1.4. 1.

Государственное уложение Баварского королевства // Архив исторический и политический: из Духа журналов. СПб., 1818.

Государственное уложение Великого герцогства Баденского // Архив исторический и политический: из Духа журналов. СПб., 1818.

Государственный устав Испанской монархии // Вестник Европы. 1813. N 13, 14.

Дмитриев И. И. Сочинения. М., 1986.

Дух журналов. 1818, октябрь.

Жуковская Т. Н. Дворянский либерализм при Александре I: споры о конституциях и "рабстве" в русских журналах 1800 - 1810 годов. Петрозаводск, 2002.

Записка Д. П. Трощинского о министерствах // Сборник русского исторического общества. СПб., 1868. Т. 3.

Конституционная Хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1815 - 1881). СПб., 1907.

Конституция Северо-Американских областей // Дух журналов. 1820. Ч. 38. Кн. 2.

Марасинова Е. М. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (По материалам переписки). М., 1999.

Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. В 2 т. Т. 2. М., 1913.

Нравственное обозрение областей европейских // Русский вестник. 1817. N 11 - 12.

О конституции Норвежского государства // Вестник Европы. 1816. N 16.

О необходимости утверждать законы на причинах: из Бентама // Санктпетербургский журнал. 1804. N 6, июнь.

Письмо из С. -Доминго, Французского Американского острова // Вестник Европы. 1802. N2.

Польза представительного правления. Письмо из Брюсселя // Дух журналов. 1819. Кн. 6.

Разговор Петра Первого с Анною, английскою королевою // Русский Вестник. 1810. N 4, апрель.

РГИА - Российский государственный исторический архив. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. 1826; Ф. 994. Оп. 2.

Речь Государственного Совета советника Портамиса, которому поручено было от консулов представить на рассмотрение Законодательного Совета новый проект гражданского уложения для Франции // Вестник Европы. 1802. Ч. 1. N 3, февраль.

Свиньин П. Торговые отношения России с Соединенными областями и взгляд на генеральную торговлю последних // Отечественные записки. 1820. Ч. IV. Кн. VIII, декабрь.

Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982.

Словарь Академии Российской. Ч. III. СПб., 1814.

Сперанский М. М. План государственного преобразования. М., 2004.

Хартли Дж. Александр I. Ростов-на-Дону, 1998.

Чего требует дух времени? Чего желают народы? // Архив истории и политики: из Духа журналов. 1819, январь.

Эпоха обновления Европейских государств // Дух журналов. 1815. Ч. 1. Кн. 1.